

Артём Игоревич Яковлев

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры английского языка, Ярославль, Россия
e-mail: artyakovlev@googlemail.com

Формальные и функциональные особенности стиля ранней поэзии Воле Шойинки в аспекте транслатологии (на материале стихотворения Telephone Conversation)

Аннотация. Статья представляет попытку стилистического анализа раннего произведения Воле Шойинки «Телефонный разговор». Анализ позволяет выявить черты идиостиля писателя. Стихотворение, культурная принадлежность которого представляет очевидные трудности для переводчика, дважды публиковалось на русском языке. В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ текста-оригинала и его переводов; в результате анализа выявляются средства выразительности и тропы, позволяющие передать формальные и функциональные особенности поэтического текста в переводе на русский язык.

Ключевые слова: В. Шойинка, художественный дискурс, лингвостилистика, лингвистика текста, стилистический анализ, поэтический текст, художественный перевод, средства выразительности.

Artem I. Yakovlev

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences,
Senior Lecturer of the Department of English, Yaroslavl, Russia
e-mail: artyakovlev@googlemail.com

Formal and Functional Peculiarities of Wole Soyinka's Early Poetry Style in the Aspect of Translatology (Based on the Poem "Telephone Conversation")

Abstract. The article presents a stylistic analysis of Wole Soyinka's early poem "Telephone Conversation". The presented analysis allows to discover the most peculiar features of W. Soyinka's idiosyncrasy. The poem, the cultural affiliation of which presents obvious difficulties for the translator, has been published twice in Russian. The article provides a comparative analysis of the original text and its translations; as a result of the analysis, the means of expressiveness and tropes are revealed, which allow to convey formal and functional features of the poetic text in translation into Russian.

Keywords: Wole Soyinka, literary discourse, linguistic stylistics, text linguistics, stylistic analysis, poetic text, literary translation, expressive means.

Введение (Introduction)

Актуальность статьи обусловлена необходимостью лингвистического изучения постколониального художественного дискурса как относительно молодого, но уже сформировавшегося пласта мировой литературы. Следует отметить, что в настоящее время обнаруживается недостаток исследований литературы Тропической Африки в целом и Нигерии в частности с позиций лингвостилистики.

Истоки данного художественного дискурса обнаруживаются как в англоязычной литературной традиции, так и в устных нарративах, что представляет собой непростую задачу для переводчика.

Творчество Воле Шойинки, нигерийского писателя, поэта, драматурга, лауреата Нобелевской премии по литературе 1986 г., относительно широко знакомо русскоязычному читателю

благодаря переводам А. Сергеева, А. Кистяковского и других авторов. Тем не менее оно до сих пор не становилось предметом самостоятельного лингвистического исследования.

Цель настоящего исследования — выявить особенности стиля поэзии Воле Шойинки на примере стихотворения Telephone Conversation и рассмотреть их трансформации в двух переводах стихотворения на русский язык.

Среди задач исследования необходимо отметить следующие:

- осуществить обзор имеющейся литературы по постколониальной теории, теории дискурса, лингвостилистическому анализу художественного текста и поэтического текста в частности;
- выполнить лингвостилистический анализ стихотворения Telephone Conversation и выявить особенности стиля поэзии Воле Шойинки;

– сравнить текст стихотворения с двумя художественными переводами на русский язык и обнаружить стратегии, позволяющие переводчикам сохранить или адаптировать особенности идиостиля поэта при передаче текста русскоязычному читателю.

Методы (Methods)

При анализе стихотворения *Telephone Conversation* и его переводов использовались методы сплошной выборки средств выразительности на основании собственной читательской компетенции исследователя-интерпретатора; контекстуального анализа языковых единиц в художественном дискурсе; филологического и лингвокультурологического анализа текста; сравнительно-сопоставительного анализа двух художественных переводов стихотворения и текста-оригинала.

Литературный обзор (Literature Review)

Творчеству писателя и поэта посвящены работы Т. М. Гавристовой, в которых рассматривается в том числе вопрос устной традиции в произведениях В. Шойинки [1, с. 9]. А. В. Ляхович рассматривает поэзию автора в контексте как развития литературы Нигерии, так и на фоне определенных исторических событий, охвативших страну в середине 60-х гг. XX в. [2, с. 76]. Т. М. Гавристова таким же образом контекстуализирует и автобиографические произведения автора [3, с. 32]. Говоря об особенностях публицистического творчества Воле Шойинки, З. В. Мокрушина отмечает полифоничность и аллегоричность его стиля [4, с. 92], что наблюдается уже в раннем поэтическом наследии писателя. Преимущество культур сквозь призму прецедентности в англоязычном постколониальном дискурсе рассматривает М. А. Кузина. Изучая функционирование библейского текста в современном англоязычном постколониальном романе, исследователь оперирует определением мультикультурного художественного дискурса [5, с. 256], которое представляется релевантным и для рассмотрения поэтического творчества Воле Шойинки.

Вопросы стилистики английского языка подробно рассматриваются в работах И. В. Арнольд; особое внимание исследователь уделяет фонетической стилистике и на примере стихотворения У. К. Уильямса демонстрирует важность ритма для формирования стиля поэта [6, с. 204–205]. Вопросы сопоставительной стилистики и взаимодействия лингвостилистики, поэтики и теории перевода поднимались Е. Г. Эткингом, отмечавшим в своей статье 1967 г., что комплексный анализ художественного перевода должен включать сопоставление языковых и стилистических систем, традиционных литературных стилей, просодии в национальной специфике, культурных и исторических традиций, а также индивидуальных художественных систем стиля автора оригинала и переводчика [7, р. 26] (здесь и далее содержание работ на иностранных языках излагается с опорой на перевод автора. — А. Я.). О проблемах поэтического перевода рассуждает и И. С. Алексеева, иллюстрируя на примере классического перевода И. В. Гете, осуществленного М. Ю. Лермонтовым, что фонетические особенности поэтического текста являются инвариантными и передаются

в ослабленном и уменьшенном виде; передача эвфонии текста-оригинала зачастую зависит от индивидуального восприятия текста переводчиком [8, с. 237–240].

Методика стилистического анализа художественного текста представлена в работе Н. С. Болотновой «Филологический анализ текста» на примере стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тучи» [9, с. 74–77]. Ссылаясь на других исследователей поэтического текста, Н. С. Болотнова также отмечает некоторые особенности поэзии: ее особый код и шифр, важную роль иносказаний, авторскую субъективность [9, с. 205]. В. Е. Хализев отмечает особую эмоционально-смысловую насыщенность поэзии, достигаемую в результате «выжимания» из слов максимум выразительных возможностей [10, с. 252], что обуславливает необходимость тщательного пословного анализа поэтического произведения.

Вышеперечисленные исследования вкупе с иноязычными литературоведческими работами по творчеству В. Шойинки и историческими и культурологическими исследованиями в области постколониальной теории составили теоретическую базу настоящей статьи.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Стихотворение Воле Шойинки *Telephone Conversation*, входящее в одноименный цикл, опубликованный в 1963 г. в сборнике *Modern Poetry from Africa* [11], относится к раннему творчеству нигерийского поэта и драматурга, представителя плеяды нигерийских поэтов-выпускников Ибаданского университета.

Стихотворение — это телефонный разговор между светлокочей хозяйкой квартиры и темнокожим постояльцем. Шойинка написал стихотворение, воплотив в нём собственные наблюдения за жизнью в Великобритании [12, р. 774]. Примечательно, что автор высмеивает приверженность расовым предрассудкам не только белого населения европейской страны, но и темнокожих жителей. Произведение представляет собой саркастический взгляд на расовые стереотипы, внимание к которым обострилось на фоне движения за гражданские права в целом и обретения Нигерии независимости на рубеже 50–60-х гг. XX в.

Раннее творчество Шойинки, как и других поэтов круга — Кристофера Окигбо, Джона Пеппера Кларка и т. п. — органично сочетает стилистические особенности англоязычной литературы и черты устной традиции [13, р. 216]. Как отмечает Т. Оджаиде, в творчестве Шойинки обнаруживаются отсылки к пророчествам (ифа), шуточному пению (ийере), охотничьим похвалам (иджала), инвокациям (орики) [12, р. 769–770]. Таким образом, саркастическое стихотворение *Telephone Conversation* может быть соотнесено с традицией ийере, где рассказчик призывает к более высокому следованию стандартам и идеалам морали путем высмеивания и обвинения тех, кто отклоняется от нравственного пути. Отличительными стилистическими чертами ийере являются повторы, метафорические перифразы, что также обнаруживается в стихотворении *Telephone Conversation*. По словам В. Абимболы, пророчества ифа характеризуются богатым набором образных средств, что особенно ценится среди йоруба [14, р. 31]. Наиболее характерные черты ифа — повторы и игра слов, которые также обнаруживаются

в стихотворении *Telephone Conversation*. Такого рода образность, особенности стилистического оформления текста представляют значительные трудности для переводчика. Переводы стихотворения были выполнены А. Я. Сергеевым [15] и А. Ш. Ибрагимовым [16].

Использование диалогической речи несвойственно творчеству Воле Шойинки даже на раннем этапе его экспериментального творчества [13, p. 222], поэтому обращение к диалогу в контексте стихотворений автора активизирует механизм выдвижения стихотворения на фоне остального творчества поэта. Интересна не только сама прямая речь, но и используемый автором способ ее оформления: она выделяется пунктуационно, но не атрибутируется. При этом графическое оформление слов хозяйки и постояльца отличается: в первом издании произведения для слов женщины используется разреженная капитель, а слова темнокожего постояльца не выдвигаются на фоне текста рассказчика. Вследствие подобной презентации речи персонажей текст графически выглядит будто «изрезанным» речью белой хозяйки, что приводит к определенного рода иконичности текста: его графическое оформление выражает конфликт между черным и белым населением, который в дальнейшем эксплицируется при помощи лексических и грамматических средств выразительности.

А. Я. Сергеев имитирует графическое оформление текста Воле Шойинки: он противопоставляет реплики героини, набранные прописными буквами, никак не выделяющимся репликам героя. А. Ш. Ибрагимов не сохраняет графические особенности текста-оригинала, что может быть связано с техническими трудностями при наборе текста, однако переводчик меняет пунктуационное оформление прямой речи, разделяя речь каждого из персонажей при помощи тире. Будучи своего рода компромиссным решением, это тем не менее помогает переводчику сделать текст, особенно его финальную часть, сегментированной. Интересно, что переводчик также использует эллиптические конструкции там, где в тексте-оригинале их не было (*Еще вопрос — уже с другой эмфазой...*), что также помогает приблизиться к графическому оформлению текста-оригинала.

Для воссоздания персонажей Шойинка использует преимущественно лексические средства выразительности, свойственные ийере. Распространены эпитеты с метонимическим и метафорическим переносом (...*Voice... lipstick coated, long gold-rolled, / Cigarette-holder pipped; ...Palm of my hand, soles of my feet are a peroxide blonde; ...Friction... has turned / My bottom raven black...*). Эпитеты не только становятся средством создания комического; они также позволяют акцентировать антитезу *dark/white* путем создания параллельных грамматических конструкций. Эпитеты в основном находятся в постпозиции в составе причастных оборотов и сложных дополнений; первые повторяют морфологическую структуру друг друга. Параллелизм обнаруживается и в репликах хозяйки квартиры (...*Are you / light / or very dark?... Are you dark? Or very light?*), где хиастический повтор также эксплицирует противопоставление двух социально-этнических групп.

А. Я. Сергеев старается сохранить формы эпитетов, обнаруживаемые в оригинале стихотворения. Хотя пере-

водчику не удастся использовать причастия, он подбирает однородные причастие и прилагательное, которые достаточно точно воссоздают метонимический повтор оригинала (...*ее голос, жирный от губной помады, свистящий сквозь золоченый мундштук*). Эпитеты *peroxide blonde* и *raven black* заменяются сравнительными оборотами, при этом переводчик обращает внимание на частеречную принадлежность слова *blonde*, переводя его при помощи существительного (...*Мои ладони и пятки, как крашенные блондинки... ..Моя задница словно воронье крыло...*). А. Ш. Ибрагимов не сохраняет параллелизм оригинала и не воссоздает причастные обороты; вместо этого он прибегает к обратным синтаксическим эпитетам, усиливая их анафорическим повтором (...*сквозь золото зубов, сквозь толстый слой помады...*), что позволяет соблюсти ямбическую структуру и эксплицирует образ хозяйки. А. Я. Сергеев не сохраняет хиастический повтор; вместо этого он прибегает к обычному лексико-синтаксическому повтору с небольшими изменениями путем использования синонимии и расширения компонентного состава повтора (*Вы очень черный? <...> Или, может, вы светлый? <...> Вы темный? Может, вы очень светлый?*). Хотя такой повтор менее экспрессивен, он, несмотря на это, передает особенности реакции хозяйки и привлекает внимание читателя. В переводе А. Ш. Ибрагимова, в свою очередь, хиазм сохраняется и выдвигается сильнее по сравнению с оригиналом из-за нарушения грамматической структуры предложения: в эллиптической конструкции составные прилагательные *темнокожий* и *светлокожий* оказываются разделенными наречием *очень* (...*Вы светло- или очень темнокожий? <...> Вы темно- или очень светлокожий?*). Эпитеты, описывающие цвет кожи персонажа, заменяются сравнением (...*подошвы ног отбелены, как волосы блондинки...*) и гиперболой (...*своей зад я изъелозил дочерна...*). Так как переводчику не удастся сохранить параллелизм оригинала, он добавляет еще одно сравнение в реплику светлокожей женщины: ...*Вы черный, словно сажа?* Два сравнения располагаются в рамках двух соседствующих реплик, поэтому читатель может рассматривать эти сравнительные обороты в качестве параллельных конструкций, что также активизирует механизм выдвижения реплик персонажей и усиливает их противопоставление.

Следует отметить, что весь текст стихотворения является эксплицированным противопоставлением, что выражается как в его диалогичности, в графическом оформлении, так и в концептуальном наполнении. Широкое использование антитезы — одна из примечательных особенностей творчества Воле Шойинки. Рассуждая о сборнике *Idange*, Т. Книпп отмечает, что ироническое соположение элементов — организующий принцип творчества поэта [17, p. 11]. При этом Шойинка старается создать своих персонажей как можно более безликими. Уже само заглавие стихотворения *Telephone Conversation* предвосхищает идею деперсонализации, отстраненности разговора двух героев. Они безымяны, читатель почти ничего не знает об их личной истории, оставаясь наедине с выражаемыми ими социальными стереотипами. Так как собеседники не могут видеть друг друга, автор описывает их чувства отстраненно, лишая их привязки к личностям персонажей. Это достигается

путем олицетворения чувств, испытываемых героями: сами чувства и явления выступают субъектами действия, а не люди, испытывающие их (*Nothing remained / But self-confession...; Silenced transmission of / Pressurized good-breeding...; Voice, when it came...; Revelation came...; ...till truthfulness clanged her accent / Hard on the mouthpiece...*). Чувства человека получают такую степень олицетворенности, что оказываются способны даже влиять друг на друга, становясь субъектом и объектом (*Shamed / By ill-mannered silence, surrender / Pushed dumbfoundment to beg simplification...*). В обозначенном предложении интересно и то, что глагол действия оказывается акцентирован за счет анжамбемана, разделяющего группы подлежащего и сказуемого.

А. Ш. Ибрагимов старается сохранять олицетворения оригинала (...и вдруг **правдивость зазвенела** в трубке...), хотя иногда использует модели Шойинки и помещает подобные авторским средства выразительности там, где в оригинале они не были употреблены (...**Подтверждение, как нож хирурга, близкость рассекало ярким светом**...). В некоторых случаях олицетворения оказываются более выразительными, чем в оригинале: переводчик сопровождает их эпитетами (...**проник ошеломляющий вопрос**...). В данном случае лексическое средство выразительности служит заменой синтаксической фигуры оригинала — частичной инверсии (...**Caught I was, foully**...).

Имперсональность в передаче чувств героев в некоторой степени затрагивает и синтаксическую организацию текста. Здесь особенно примечателен хронотоп произведения: текст становится не только «оторванным» от действий субъектов, но и предельно атемпоральным. Это достигается широким использованием отглагольных существительных в односоставных и эллиптических предложениях (*Silence. Silenced transmission...; Silence for spectroscopic / Flight of fancy...*). Некоторые действия главного героя — проверка настройки телефонного аппарата — также передаются параллельными номинативными предложениями и будто застывают во времени (*Button A. Button B.*).

В переводе А. Я. Сергеева количество назывных и эллиптических предложений с отсутствующим сказуемым увеличивается по сравнению с оригиналом: их 12 против 10 в тексте-оригинале; переводчик снимает глаголы в некоторых предложениях, где они имеются у Воле Шойинки (*Friction... has turned / My bottom raven black... — Моя задница словно воронье крыло / От сидения...*). Нажатие кнопок, описываемое в оригинале при помощи номинативных предложений с анафорическими повторами, подвергается генерализации, хотя номинативное предложение сохраняется (*Телефон.*). А. Ш. Ибрагимов также использует как распространенные (*Обыденный, реальный мир!*), так и нераспространенные (*Безмолвие.*) назывные предложения, но их количество в переводе сокращается: подобных предложений в переводе А. Ш. Ибрагимова всего пять. Параллельные конструкции также опускаются (*Две кнопки: А и Б.*) ради большей ритмизованности перевода.

Топонимические характеристики выражаются имплицитно, но являются ярко узнаваемыми за счет использования синтаксического параллелизма, анафорического повтора и использования реалий (*Red booth. Red pillar-box.*

Red double-tiered / Omnibus squelching tar...). Шойинка будто бы намеренно избегает наименования Великобритании, но использует конвергенцию стилистических средств, чтобы обратить внимание читателя на место действия стихотворения. Примечателен также и факт нарушения фразеологической единицы: вместо принятого *double-deckerbus* Шойинка использует окказиональный *double-tiered omnibus* с расширением компонентного состава. Это изменение позволяет построить морфологический повтор форм составного страдательного причастия для описания как голоса хозяйки (*lipstick coated voice*), так и автобуса. Таким образом Воле Шойинка передает атрибуты «белой жизни», используя причастия с пассивной семантикой, подчеркивая критику этого образа жизни, его вторичность.

А. Я. Сергеев следует повторам текста-оригинала, но заменяет анафору комбинацией анафоры и анадиплосиса (...*Будка красная. Красный почтовый ящик. / Красный двухэтажный автобус*...). В обоих переводах отсылка к британским реалиям эксплицируется, реалия становится более узнаваемой, так как используется устойчивое словосочетание, обозначающее британские автобусы (*Красный двухэтажный автобус; ...красный двухэтажный автобус, сокрушающий асфальт*...). Хотя А. Ш. Ибрагимов использует гиперболу, выраженную причастным оборотом, и тем самым более точно передает идею текста-оригинала, сохранить морфологический параллелизм обоим переводчикам не удается, так как модели эпитетов для обозначения хозяйки и автобуса используются разные.

Ритмическое построение текста-оригинала и перевода также значительно отличаются друг от друга. Стихотворный текст Шойинки написан в форме верлибра, что помогает автору сохранить ритмизованность, где преобладает двухсложный метр с чередованием хорея, ямба и спондея. Наиболее часто встречающийся ритмический рисунок — соседствующие друг с другом три ударных слога в окружении безударных (*The price seemed reasonable, location / indifferent. The landlady swore she lived / Off premises; ...Lipstick coated, long-gold-rolled, / cigarette-holder pipped. Caught I was, foully*...). В то же время свободный стих позволяет автору использовать анжамбеман для большей экспрессии при помощи парцелляции, что особенно отчетливо наблюдается в конце стихотворения, где рассказчик, растерявшись, старается убедить хозяйку квартиры не вешать трубку. Последняя реплика героя членится таким образом, что составное глагольное сказуемое оказывается разбитым на три компонента (*Wouldn't you / rather / See for yourself?*). Этот вопрос, так и оставшийся без ответа, говорит о невозможности разрешения конфликта: женщина так или иначе будет следовать имеющимся предрассудкам, связанным с цветом кожи постояльца, не дав ему шанса продемонстрировать собственную личность и идентичность. На это же намекает и использование Шойинкой буломаической модальности (*Wouldn't you*...) вместе с отрицательной формой вопроса, которая используется в том случае, если говорящий ожидает подтверждения собственных слов [18, р. 467].

А. Я. Сергеев следует ритмической структуре текста-оригинала, стараясь передать разнообразие используе-

мых автором стихотворных размеров. Интересно, однако, что переводчик предпочитает варьирующиеся трехсложные размеры — например, амфибрахий (*Хозяйка божилась, что не будет / мешать, что живет в другом месте. Телерь / оставалось признаться, кто я...*), анапест (*Я был гнусно застигнут врасплох...*).

Согласно В. Е. Хализеву, трехсложные размеры в русском языке способствуют большей строгости и стабильности течения речи [10, с. 251]. Отступить от такой строгости переводчику помогает парцелляция, которая достигается как при помощи анжамбемана, так и в результате использования обращений, вводных слов и конструкций. В заключительном вопросе передается буломаическая модальность при помощи условного наклонения, а также воссоздается авторский анжамбеман с разъединением составного глагольного сказуемого (*...а не хотели бы вы сами / Удостовериться?*). Перевод А. Ш. Ибрагимова, будучи верлибром, почти всегда остается пятистопным ямбом. Хотя двухсложный размер более динамичен и не так строг, как трехсложный [10, с. 251], в русскоязычном переводе он всегда четко прослеживается. Это может быть связано с ожиданием читателя большего следования ритмической структуре, в то время как современный англоязычный поэтический текст не требует такой формальной строгости. Следование ритмической структуре в некоторой степени обуславливает как сохранение либо опущение определенных средств выразительности оригинала, так и добавление дополнительных фигур с целью воссоздания четкого ямбического ритма. Парцелляция последней части стихотворения сохраняется, но не столько с помощью анжамбемана, сколько синтаксически — путем использования вводных конструкций и обращений (*Лицо, конечно, смуглое, мадам...*). Переводчик значительно изменяет последнее предложение стихотворения: он сохраняет модальность, но меняет ее на эпистемическую. Он также отходит от риторического вопроса и использует эллиптическую конструкцию, заканчивая стихотворение апосиопезой: *...но может быть, / вы сами поглядите...* Недосказанность оригинала при этом сохраняется, как под-

черкивается и невозможность разрешения конфликта, которому посвящено стихотворение.

Заключение (Conclusion)

В более позднем творчестве для Воле Шойинки характерно использование комплексных метафор, построенных на мифологии йоруба, и синтаксической омонимии. С. Мейсба утверждает, что метафоричность и мифологизированность текстов Шойинки является следствием изменения мировосприятия под влиянием колониализма [19, р. 50]. Тем не менее уже в *Telephone Conversation*, одном из первых опубликованных Шойинкой поэтических произведений, можно увидеть попытки автора преодолеть ограничения колониализма при помощи создания текста, наделенного комплексной образной структурой и избыточными средствами выразительности. Хотя текст *Telephone Conversation* не настолько избыточен межкультурными отсылками к мифологическому тексту йоруба, как более поздние стихотворения автора, в нём уже обнаруживается семантическая и синтаксическая комплексная структура, которую С. Мейсба называет какофонической и архаичной, так как именно она позволяет автору воссоздать английский язык, уходящий своими традициями не в эллинистическую или римскую, а англо-саксонскую традицию, первобытные корни которой близки устной традиции йоруба [19, р. 51].

Передача образности и особенностей стилистической организации такого поэтического текста требует значительных усилий со стороны переводчика. На примере стихотворения *Telephone Conversation* можно увидеть, что переводчикам приходится прибегать к разного рода комплексным переводческим трансформациям, иногда снимая и заменяя выразительные средства оригинала с целью следования конвенциям, принятым в текстах на русском языке. Переводчику также зачастую приходится добавлять средства выразительности либо воссоздавать конвергенции стилистических средств при помощи ресурсов русского языка для более точной передачи образной структуры стихотворения в русскоязычном тексте.

Библиографический список

1. Гавристова Т. М. Воле Шойинка: Story или History? (К вопросу о становлении жанра Non-Fiction в Африке) // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. «Гуманитарные науки». 2016. № 3 (37). С. 5–10.
2. Ляхович А. В. Некоторые особенности развития англоязычной литературы Нигерии (1952–1991) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Востоковедение и африканистика. 2015. Вып. 1. С. 73–80.
3. Гавристова Т. М. Африканская автобиография как нарратив эпохи // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. «Гуманитарные науки». 2019. № 2 (48). С. 28–34.
4. Мокрушина З. В. Нигерийские публицисты: от исторического конструктивизма к историческому настоящему // Кунсткамера. 2019. № 4 (6). С. 89–98. DOI: 10.31250/2618-8619-2019-4(6)-89-98
5. Кузина М. А. Особенности функционирования библейских прецедентных имен в англоязычном мультикультурном художественном дискурсе // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Орел : Орл. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2018. С. 255–259.
6. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
7. Etkind E. La stylistique comparée, base de l'art de traduire // Babel. 1967. No. 13 (1). P. 23–30. DOI: 10.1075/babel.13.1.07etk
8. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие. СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та ; М. : Академия, 2004. 352 с.
9. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. 520 с.
10. Хализев В. Е. Теория литературы : учеб. М. : Высшая школа, 2004. 405 с.

11. Soyinka W. Telephone Conversation // *Modern Poetry from Africa* / ed. by G. Moore and U. Beier. Harmondsworth ; Middlesex : Penguin Books Ltd, 1963. P. 110–111.
12. Ojaide T. Two Worlds: Influences on the Poetry of Wole Soyinka // *Black American Literature Forum*. Vol. 22, no. 4, Wole Soyinka issue, part 2. Saint Louis : Saint Louis University, 1988. P. 767–776.
13. Obuke O. The Poetry of Wole Soyinka and J. P. Clark. A Comparative Analysis // *World Literature Today*. 1978. Vol. 52, no. 2. P. 216–223. DOI: 10.2307/40132746
14. Abimbola W. Sixteen Great Poems of Ifá. Unesco, 1975. 468 p.
15. Шойинка В. Телефонный разговор / пер. А. Сергеева // *Иностранная литература*. 1965. № 6. С. 68.
16. Шойинка В. Телефонный разговор // *Избранное*. М. : Радуга, 1987. С. 513–515.
17. Knipp Th. Irony, Tragedy, and Myth: The Poetry of Wole Soyinka // *World Literature Written in English*. 1982. No. 21, issue 1. P. 5–26. DOI: 10.1080/17449858208588698
18. Swan M. *Practical English Usage*. Oxford : Oxford University Press, 2005. 658 p.
19. Macebuth Sh. *Poetics and the Mythic Imagination* // *Transition*. Bloomington : Indiana University Press, 1976. No. 50. P. 79–84.